

18+

Светлана Аксёнова

Беги!

Светлана Алексеевна Аксенова

Беги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59975073

ISBN 9785005151193

Аннотация

Страшно, когда первая любовь отвергает, но иногда бывает намного страшней, если отвергли вы. Виктория становится центром странных мистических событий и загадок, которые с каждым днем растут, словно снежный ком. Что произошло в прошлом и почему она не может вспомнить? За какую ошибку ей приходится платить такой ценой?

Беги

Светлана Алексеевна Аксенова

© Светлана Алексеевна Аксенова, 2023

ISBN 978-5-0051-5119-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Женщины сидели на кухне и беспрерывно болтая, пили чай. Уже по третьей кружке. Машинально вливали в себя напиток и разговаривали, разговаривали. Все равно о чем, лишь бы не молчать. Лишь бы не молчать и не смотреть друг другу в глаза. Не смотреть друг другу в глаза и не плакать. Или плакать, но очень незаметно, чтобы остальные не видели. Но плакать хотелось. Не просто плакать, а выть и кататься по полу, но одной. Чтобы никто не знал о твоей слабости.

– Ладно, девочки, – первой из-за стола поднялась Вика. – Завтра тяжелый день... Надо поспать.

Сегодня она выглядела намного старше своих лет. Тусклые глаза и волосы, небрежно собранные в хвост.

– Да, – кусая губы, чтобы не разрыдаться, согласилась младшая сестренка Юлька.

Красавица блондинка, с теплыми карими глазами и спортивной фигурой. Юльке недавно исполнилось двадцать пять. Мама родила ее очень поздно, уже за сорок. Роды оказались тяжелыми, и врачам не удалось ее спасти.

Свекровь, узнав о смерти невестки, продала дом в деревне и перебралась к сыну, помогать в воспитании дочерей. Так что у Юльки, можно сказать, было две мамы. Сестра и бабушка.

Бабушка, которая сидела сейчас, бесцельно переставляя кружку с места на место. Милая добрая бабуля. Баба Валя или Валентина Ивановна, кому как нравилось.

– Бабулечка, иди спать, – обняв ее за плечи, прошептала Вика. – Не надо плакать. Мы должны пройти через это.

Через полчаса женщины разошлись по комнатам. И каждая, оставшись наедине с собой, дала волю слезам. Каждая выла, уткнувшись в подушку, чтобы не услышали остальные, и кусала кулаки, чтобы приглушить боль. Каждая мысленно готовилась к завтрашнему дню и все-таки не представляла, как его выдержит.

Каждая боялась показать слабость, зная, что если разрешится она, то разрешутся и все. Все трое.

Три женщины, которым предстояло завтра проводить в последний путь любимого сына и отца.

Вика даже не пыталась вытереть слезы, они все лились и лились из глаз, словно кто-то забыл закрыть кран.

– Папа, – стиснув зубы, простонала она. – Папа! Ну, как же так? Не надо-о-о, – и укрывшись с головой, тихо заскулила.

«Витька так и не позвонил. Надеюсь, догадался, что я у бабули осталась ночевать» – вздохнула Вика, отмечая, что муж очень изменился в последнее время.

... – Виктор и Виктория! У вас даже имена одинаковые! – твердили друзья и знакомые. – Значит, будете счастливы!

Были счастливы! Первые пять лет не отлипали друг от друга. Через пять лет после свадьбы Виктория забеременела. Как же они с Витей радовались тогда. Выбирали ребенку имя и все гадали, кто же родится; мальчик или девочка? Но на третьем месяце произошел выкидыш. Врачи предупреждали, что первый триместр будет очень тяжелым. Все-таки старо-родящая, как любят выражаться акушеры. Тридцать четыре года.

В то лето они планировали съездить на Урал к родственникам мужа.

Выкидыш случился в поезде на обратной дороге. В душно пахнущем туалете. Эмбрион выпал прямо на дно унитаза. Испугавшись, Вика стала ломиться из тесной кабинки и звать мужа, но дверь никак не открывалась. Все происшедшее дальше она запомнила очень плохо. Кто-то открыл дверь, муж отвел ее в купе. А кто-то, нажав на слив, смыл человеческий зародыш на полотно железной дороги.

Так и остался лежать Викин первенец где-то между Сур-

гупом и Саратовом.

Врачи в один голос запели, что вряд ли еще раз случится-ся чудо, и она забеременеет. Возможно, после этого случая и пошла трещина в отношениях, которая незаметно превратилась в пропасть...

«Господи! Дай мне силы выдержать завтрашний день», – подумала Виктория, засыпая.

Утром позавтракав, женщины принялись готовить поминальный обед. Стараясь непринужденно разговаривать, каждая из них то и дело бросала взгляд на настенные часы.

Три часа по полудню неумолимо приближались. Посоветовавшись, решили вызвать такси.

«Этого не может быть», – билось в голове, а разум настойчиво подсовывал картинки из прошлого, заставляя улыбнуться.

«Вот и правильно, вот и хорошо, – подумала Вика, улыбаясь воспоминаниям. – Мы скоро увидим папу!» – в носу защищало и, открыв сумку, она стала дотошно копаться в ней, якобы что-то ища.

– Приехали, – сообщил таксист, сочувственно глядя на пассажиров.

Расплатившись, Вика поспешила к бабуле и сестре, что растерянно топтались возле невзрачного здания и, открыв дверь, первая зашла в бюро ритуальных услуг с красивым

названием; «Вереск».

Там они скромно присели на удобные диваны.

«Пожалуйста! – мысленно взмолилась Вика. – Пусть это окажется сном! Господи! Вот скоро три часа и что? Нас куда-то позовут? И что мы должны будем делать?»

– Привет, – присел рядом Виктор. – Не опоздал?

– Нет еще, – положив голову на плечо сестры, ответила Юлька. – Мой Женька, что-то задерживается.

– Работа, – глухо произнесла Вика. – Сейчас подъедет.

Мимо сновали люди. На лице каждого лежала печать таковой безысходности, что хотелось выть.

– Вихлянцев Михаил Васильевич, – раздался вежливый девичий голос.

– Это мы, – отозвались три женщины и замерли в ожидании.

– Прошу в эту комнату.

«В комнату? Что там в этой комнате?» – внутренне сжавшись, Виктория сделала шаг.

Оббитый темно-голубой материей гроб. Шаг и еще шаг. Мужчина... Там лежал мужчина, но глаза отказывались видеть правду.

– Сюда, сюда, – завернула их девица. – Посмотрите, правильно ли оформлены венки и табличка.

– Да, да, – заверила Юлька. – Все правильно.

– Распишитесь, – девушка протянула ручку.

Пока Юлька расписывалась, бабуля схватила табличку и,

обняв ее, направилась к выходу.

– Ой, табличка! – воскликнула девушка.

– Бабуль, отдай, – Виктория ласково освободила табличку и вернула ее на место.

– А? – Валентина Ивановна полностью потерявшись во времени и пространстве, отсутствующим взглядом посмотрела на старшую внучку.

«Здесь у всех такой страшный взгляд», – вздрогнула Виктория.

– Теперь можете подойти, – пригласил их к гробу крупный мужчина в темном костюме.

«К кому подойти? К папе? Это он там лежит?»

Сгорбившись, бабуля так взглянула на Викторию, что та с трудом удержалась, чтобы не заголосить.

– Мишенька, – прошептала Валентина Ивановна, проводя рукой по жестким волосам сына.

– Бабуль, ему сейчас хорошо, – бормотала Вика глупые слова утешения. – У него больше ничего не болит. Ты же видишь, как он выглядит? Помолодел и такой красивый.

– Он всегда был красивым! Даже смерть оказалась бессильна, – гордо ответила Валентина Ивановна.

– Вы какие тапочки ему одели? Покажите, – обратилась она к работнику ритуальной службы.

– Вот смотрите, – засуетился тот, откинув белую материю с ног. – Хорошие удобные тапочки.

– Хорошие, – согласно кивнула бабуля. – Мише будет удобно в них ходить.

«Ходить? Куда он будет ходить? Боже мой, папа! – Виктория не могла отвести взгляда от скрещенных рук. – Неужели это ты? Такой неподвижный? И ты нам ничего не скажешь? Мы больше не услышим твой голос? Еще несколько дней назад ты ходил и разговаривал с нами, а сейчас молчишь...»

– Унесите, – кивнул мужчина работникам. – А вы идите к машине, – кивнул он Вике.

– Пойдемте, – не дожидаясь, пока гроб унесут, Юлька схватила сестру и бабушку и потянула их на улицу.

Виктория смутно помнила, как рядом стоял муж и что-то говорил. А вот и Юлькин Женька подошел и пробормотал; что ему жаль, очень жаль...

– Заходите, – ритуальная газель распахнула двери, продемонстрировав удобные сиденья и голубой гроб, накрытый крышкой.

Дорога на кладбище была долгой. Виктория боялась, что на очередном повороте, гроб может перевернуться, и до ломоты в глазах смотрела на голубую ткань, изредка бросая быстрые взгляды на бабушку и сестру. Те держались. Держались из последних сил, боясь расплакаться, а ведь так хотелось. Но если бы заплакала одна, то другие бы разом подхватив этот плач, зарыдали бы и завывли. И без «Скорой помощи» не обошлось бы.

Вот и приехали.

«Как хорошо, что тепло и земля легко копалась, – мелькнуло в голове у Виктории. – Папа так боялся умереть зимой в мороз. Все переживал, что могилу будет тяжело копать. Господи, да о чем я думаю?»

Гроб открыли, и ритуальный сотрудник прочитал стих. Что за стих? Зачем? Наверное, так положено.

– Теперь подходите прощаться, – предложил он родственникам, отойдя от изголовья.

Прощаться!? Уже? Так быстро?

Валентина Ивановна, склонившись над сыном, поцеловала его и что-то прошептала. Не разрыдалась. Молодец бабуля, кремень.

«Теперь моя очередь», – на ватных ногах Вика приблизилась к изголовью и увидела поседевший мысик волос на лбу. Точно такой же был у нее, даже наклон в ту же сторону.

«Мы забыли дать ему расческу. Он ведь так любил причесываться».

– Папочка, – наклонившись, Вика, прикоснулась губами ко лбу отца. – Какой ты холодный, – сжалось от боли сердце. – Папочка, прости, – и отошла, освобождая место сестре.

Ритуальный работник, подняв белую материю, закрыл лицо отца. Сверху опустили крышку.

«Что? Уже? Сейчас будете заколачивать? – из последних сил держалась Виктория. – Не надо, прошу вас! Не надо!»

Нет, заколачивать крышку не стали. Технология погребения продвинулась дальше, щадя чувства и нервы скорбящих. Крышку бесшумно закрутили с двух концов, и гроб стали опускать в яму.

«Закапывать? Вы будете его закапывать? Моего папу? Как его можно закопать? Закопать и оставить здесь совсем одного? Ему же будет темно и страшно! Не надо!» – разрывался внутри голос, а Вика подошла к краю могилы и кинула горсть земли.

Все как положено. Горсть земли на гроб своего отца. Так положено.

Незаметно вырос холмик, работники установили крест и табличку с именем и фамилией и номером участка. Положили венки, и весело о чем-то переговариваясь, отправились к машине. Для них это просто работа. А покойные их клиенты, как бы горько это не звучало.

«Вот и все... Могильный холмик и крест. Это все, что осталось от папы. Все».

Вот и закончился этот тяжелый день. Закончился быстро, будто сегодняшние события поставили на ускоренный режим. Скромный поминальный обед дома. Разговоры о чем-то... Даже и не вспомнить о чем.

– Витя, я сегодня опять у бабули останусь, – выйдя проводить мужа, сказала Вика.

– Может, и переселишься сюда? Место тут освободилось, – то ли в шутку, то ли серьезно ответил тот.

– Ты о чем сейчас?

– Ни о чем, – нервно передернул плечами Виктор. – Пока, – и ушел.

В коридор вышла Юлька.

– Что, укатил твой недовольный? – хмыкнула она.

– Почему, недовольный?

– Да потому что, у него по ходу мужской климакс начался, – фыркнула сестренка и повернулась к жениху. – Все, Женек, топай. Вечером созвонимся.

– О-о-о, – заинтересованно протянул Женька. – У мужчин тоже климакс бывает?

– А ты как думал? – выталкивая парня, ответила Юлька. – Но до твоего, надеюсь, еще далеко, – и на этой позитивной ноте захлопнула дверь.

– Пошли чаю попьем? – обняв старшую сестру, предложила она. – Не расстраивайся из-за Витьки. Он просто не знает, как поддержать тебя. Какие слова сказать.

– Молчал бы тогда лучше, – стараясь не расплакаться, прошептала Вика.

– Девоньки! Ну, вы идете? – позвала из кухни баба Валя. – Я чаек заварила.

– Идем, бабуль!

– Викуся, ты с ночевкой? – с надеждой спросила Валентина Ивановна.

– Да. Завтра не будите, поспать хочу.

– Спи, сколько хочешь, солнышко, – обрадовалась бабушка. – Ты же отгулы на работе взяла?

– Взяла, – кивнула старшая внучка, учительница русского и литературы, а по выходным иногда подрабатывающая продавцом в центральном универмаге, где ее подруга Людмила держала отдел тканей.

– Виктор ничего не скажет? – забеспокоилась вдруг Валентина Ивановна.

– Все, что хотел, уже сказал, – вяло ответила Вика, направляясь в свою комнату.

– А чай?

– Не хочу, – хлопнула дверь.

– Случилось что у них? – не зная как спросить напрямую, тактично поинтересовалась баба Валя.

– Угу, – зло кивнула сестра. – Витька у них случился! Старческий маразм мужика глушит.

– Рано еще для маразма, – не поняла юмора бабуля.

– Да дурак он, – поцеловав бабушку, Юлька встала. – Бабуль, не обижайся, я к Вике пойду. Не нравится она мне. Ты как одна, нормально?

– Нормально, – вздохнула та. – Спать пойду. Устала и до сих пор еще не верится...

– Вот и не верь, – категорично заявила младшая. – Думай, что он где-то рядом. Спит в другой комнате.

– Так и думаю, – печально улынулась пожилая женщи-

на. – Так и думаю.

– Викусь, – постучавшись в комнату, Юлька приоткрыла дверь. – Можно к тебе поболтать?

– Заходи, – подвинувшись на кровати, отозвалась та.

– Спросить хотела, – неуверенно начала Юлька, примостившись рядом.

– Спрашивай.

– Ты же знала? Знала про папу? Скажи честно? – приподнявшись на локте, Юлька заглянула в обмелевшие глаза сестры.

– Знала. Еще три года назад знала. Мне приснилось, что он вещи собрал и к маме собирается ехать. Только собирается. На следующий день рассказала ему сон и отправила в поликлинику. Помнишь, он ходил?

– Ага, – кивнула сестренка. – И что дальше?

– Жидкость у него тогда в легких нашли. А мне через несколько дней приснилось, что папа заходит домой, бросает сумку с вещами на пол и кричит: «Я вернулся!» Но не тут-то было, – вздохнула Виктория. – Самую главную болезнь проморгали.

– Вика, как будущий врач говорю тебе, рак в некоторых случаях развивается очень стремительно, – ответила Юлька, которая уже проходила интернатуру в акушерском отделении.

– Понимаю, – Вика помолчала, будто припоминая что-

то. – А месяц назад папа мне уже иначе приснился.

– Как? – затаила дыхание младшая сестра.

– Будто идем мы с ним по дороге, и тут мама навстречу. Младенца на руках держит. Так вот, протягивает она папе ребенка и говорит; «Миша посмотри, это внучек наш! Скоро и ты его нянчить будешь».

– Ребенок, наверное, твой, который не родился?

– Да, – кивнула Виктория и стала нежно перебирать белокурые пряди сестренки.

– А мама? Помнишь ее? Какая она была? – замерла Юлька под нежными ладонями.

– Конечно, помню. Мне же тогда четырнадцать было. Белокурая кареглазая красавица. Ты очень на нее похожа.

– Расскажи мне все, – попросила младшая. – Все с самого начала. Когда у тебя это началось? Ну и тому подобное!

– Зачем? Ты же все знаешь...

– Нет, не все! – взбунтовалась Юлька. – А теперь мне можно все услышать! Я уже выросла, если ты не заметила!

– Заметила, – усмехнулась старшая. – Как и то, что я состарилась.

– Не состарилась, а просто... Просто тебе сейчас очень плохо.

– Ладно, – согласилась Виктория. – Расскажу.

– Все, все? – прижалась к ней Юлька.

– Что вспомню. А началось это, когда мы переехали в этот дом...

...Странные события стали происходить с Викторией, когда после смерти мамы они всей семьей переехали в частный дом. Баба Валя, узнав о смерти невестки, продала избушку в деревне и переехала к сыну. К двухкомнатной квартире, в которой они тогда жили, прибавили бабушкины деньги и приобрели хороший частный дом, где у каждого была своя комната. Папа больше не женился. Не мог забыть маму. Сравнивал всех женщин с ней и частенько приговаривал; «Моя Лидочка была самая лучшая!»

Началось все не сразу... Но тот необычный день Вика запомнила навсегда. Вернувшись со школы, она села за «домашку».

Папа был на работе, а бабуля с Юлей где-то гуляли. Кошка Мурыська вальяжно развалилась на школьных учебниках, видимо, таким образом решив впитать в себя знания. Вообразив, что кошка это учительница, Вика добросовестно пересказывала той выученное домашнее задание. Вдруг Мурыська ни с того ни с сего взъерепенилась и выкатив зеленые глазки стала утробно урчать.

– Мурыся, ты чего? – потянулась к ней хозяйка.

Да куда там! Кошка, показав чудеса ловкости, изогнулась и вывернулась так, что подлетела к потолку, будто ее подбросили, а приземлившись на стол, смела задними лапа-

ми тетради и, вопя, драпанула в другую комнату. Поначалу Вике это показалось забавным и она, громко смеясь, побежала вслед за кошкой.

– Мурсыя, ты где? Кис, кис!

Из бабушкиной комнаты донеслись завывания.

Вика осторожно вошла в спальню.

– Я тебя нашла! – заглянув под кровать, радостно выкрикнула она.

Забившись в самый дальний угол, кошка орала так, будто ее резали. И все куда-то смотрела. Куда-то мимо хозяйки, словно действительно видела то, что человеческому глазу недоступно.

– Тихо, тихо! Сейчас тебя вытащу, – пыхтя, Вика ящеркой пролезла под кровать и схватила питомицу.

Стоило девчонке коснуться кошки, как ее тут же накрыло, словно пушистый вопящий комок был проводником. Каким проводником и куда непонятно, но Вика ясно почувствовала, что над кроватью кто-то стоит.

Стоит и смотрит на ее нелепо торчащие из-под спального гарнитура ноги. Кошка, будто передав половину испуга, поутихла и, прижавшись к хозяйке, мелко дрожала. Сердце, разрывая грудную клетку, колотилось об пол так, что наверняка было слышно в подвале. Стало холодно.

В жаркий весенний день стало холодно так, что у Вики изо рта шел пар! Тяжело дыша, она чувствовала, как каждый волосок на коже встал дыбом. Собравшись духом, Вика

громко заорала для храбрости и вместе с кошкой выползла из-под кровати.

Сознание уже приготовилось увидеть какой-нибудь кошмарный кошмар или ужасный ужас, но в комнате никого не было! А между тем присутствие чего-то постороннего ощущалось все сильнее и сильнее. Взвывая в унисон с кошкой, Вика выскочила на улицу и долго сидела на скамеечке возле дома тщетно пытаясь согреться.

Не согревало весеннее солнце. Казалось, холод поселился внутри ее навсегда. Может, на самом деле так и было? Что-то вселилось в Викторию, заставив ее измениться. Но об этом потом. А сейчас она сидела, дрожа как заячий хвост и выбивая зубами дробь.

– Викуся! – раздался бабушкин голос. – Ты чего здесь?

– Вас жду, – и она так взглянула на бабу Валю, что у той по ее словам: «Все в нутрях перевернулось»

– Ты что это, девонька? – только и смогла тогда произнести бабуля и, подхватив обеих внучек, повела их домой.

Вот, собственно, так все и началось. Да, да, это было только начало. Начало того, что в какой-то мере изменило жизнь Вики. Да что там в какой-то мере? Не будем мелочиться! Изменило и очень сильно.

Вика была еще ребенком, загостившимся в детстве, и упорно не желала оттуда выходить. Не желала слушать подружек, которые все уши прожужжали про мальчиков.

Не хотела встречаться с парнями, напроць отвергая все попытки познакомиться с ней, чем вводила подруг в шоковое состояние. Ей не хотелось взрослой жизни, совсем не хотелось. Ничего интересного она там не видела.

Работа, замужество, дети, пенсия, смерть. Вот примерно такой расклад рисовался в голове, когда задумывалась о будущем. Скучно и грустно... Так зачем туда спешить?

За лето пред десятым классом Виктория очень изменилась. Волосы потемнели и стали жесткими. Из непонятно-русого хилого хвостика вымахала густая грива шоколадного цвета. Грудь, порвав все детские футболки, стремительно добралась до третьего размера и остановилась. Фигурка сделалась точенной и изящной. Тонкая талия переходила в узкие бедра. Круглая аккуратная попа убивала мужскую часть населения наповал, а у женской вызывала зависть.

Уголки глаз прорезались и приподнялись к вискам. Сами же глаза, наконец, приобрели благородный оттенок дорогого виски. Цвет виски еще называют янтарным, медовым, желтым, тигриным, кошачьим. Как хотите!

Но членам семьи понравилось именно это определение. Тут всем стало ясно, что Вика чертовски похожа на отца. Прибавьте еще к выше перечисленному ровную загорелую кожу и мамыны пухлые губы. Вот такой красавицей Виктория и зашла в класс первого сентября. Небрежно поздоровалась

с одноклассниками и грациозно уселась на свое место.

– Выхлянец, это ты, что ли? – удивленно вытаращил глаза двоечник и хулиган Валерка Ковалев.

В ответ получил лишь снисходительную усмешку королевы, которой недосуг отвечать на idiotские вопросы.

– Ну-ка заткнулся! – вдруг произнес самый красивый мальчишка в классе Олег Сирик.

Мало того, что красивый, так еще и отличник. Мечта всех девчонок в школе! Так вот эта мечта, отвесив подзатыльник Валерке, взял за шиворот сидящего рядом с Викой Славку Штондина, еще одного балбеса, и, швырнув его на свое место, уселся рядом с Викторией. Будто здесь и был! Похозяйски разложил ручку и тетрадку на парте и, оглядев класс, строго рыкнул:

– Ее зовут Вика! Если кому не ясно, обращайтесь ко мне. Понятно?

– Да понятно, чего ты Сирик? – дружно закивали пацаны.

– По-нят-но, – протянули девчонки, обжигая соперницу взглядом.

Но это внешние изменения... А были еще и внутренние. Про них Вика даже и думать боялась, не то, чтобы поделиться с кем-то. Временами казалось, что она просто сходит с ума, или уже сошла...

Ей стали сниться вещи сны. Ей стали сниться стран-

ные сны. А самое ужасное было то, что под утро к ней кто-то приходил. Когда еще темно, но уже начинают робко проступать очертания предметов. Резко просыпаясь, Вика слышала чьи-то шаги. Шаги, хозяин которых не спеша приближался к ее кровати. Ни пошевелиться, ни закричать она не могла, только водила туда-сюда вытаращенными глазами, видя чей-то смутный силуэт. Только силуэт. Незнакомец подходил и начинал осторожно стаскивать с нее одеяло. Вика уже знала, что будет дальше, знала и, ненавидя себя, ждала этого...

– Покажись мне, – попросила она однажды незнакомца.

– Ты, правда, хочешь меня увидеть? – прошепел голос.

– Да, хочу, – прошептала в ответ, сплетя руки на его спине.

– Смотри-и-и-и, – хрипло разнеслось по комнате.

Виктория увидела над собой зеленые глаза с вертикальными зрачками и мощный торс. Трепещущие руки нащупали на спине твердые гребни или шипы, короче черт знает, что там у него росло.

– Нравлюсь?

– Да, – выдохнула она, закрыв глаза.

За ошеломительные ночи этот непонятно кто имел полное право быть образиной.

Наутро Вика просыпалась совершенно измотанной.

Надо отдать должное ночному гостю, он давал ей время на восстановление. После перерыва в несколько дней, Вика чувствовала острую физическую тоску, и незнакомец приходил снова и снова.

Так что, оставаясь девственницей, она знала очень многое, о чем другие только мечтали. Или даже боялись мечтать.

Со временем Виктория превратилась в чувственную эсэ-женщину, которая обожала секс и получала от него дикое наслаждение. Но все равно тосковала по ночному гостю, а тот возвращался все реже и реже.

А после того, как она вышла замуж и переехала к Виктору, ее чудо-любовник совсем пропал.

Но мы запрыгнули далеко вперед. А сейчас перед нами девятиклассница, которая стыдилась своих непонятных видений. И ей даже не с кем было поговорить об этом.

У одноклассниц же тема секса не сходила с языка. Задыхаясь в удушливой волне, они обсуждали фильмы, где чуть-чуть показали про это, или книги, где про это немного написали. И почему-то всеми силами вовлекали в эти дискуссии Викторю. Будто чувствовали, что подруга знает намного больше, чем старается показать.

А во взглядах мальчиков устремленных на Вику, так и читалось; «Мы знаем, чем ты занималась сегодня ночью. Вот только не знаем с кем».

Олег же трепетно опекал подругу от шуточек и приставаний одноклассников. Провожал домой, неся ее огромный дипломат. В выходные приглашал в кино и на дискотеки и ни разу не позволил перейти рамки приличия. Просто поддержать Вику за руку уже было за счастье. Вот бы никто не подумал! Гроза всех парней в школе, а таким нежным и скромным оказался в отношениях с девушкой.

Прозвенел последний звонок. То лето было особенным. Экзамены, выпускной, аттестат зрелости, снова экзамены. Виктория поступила в педагогический, а Олега осенью забирали в армию. Влюбленные ночи напролет бродили по аллеям, паркам и скверам. Мечтали о будущем. О том, как парень вернется и начнется у них настоящая счастливая жизнь. Вместе и навсегда. Главное, отслужить эти два года, а ей дождаться.

А потом была осень полная слез и печали. Вика очень тяжело переживала разлуку с любимым. Да и Олег видимо тоже. Письма приходили практически через день. С улыбкой перечитывая послания по несколько раз, Вика складывала их в большую коробку из-под обуви.

Вот и пролетели два года. Вроде казалось, что никогда не наступит эта прекрасная осень, когда возвратится Олег, а глазом не успели моргнуть, как она пришла.

На всю жизнь запомнит Виктория ночь, накануне приезда любимого. Ей не спалось, и заново перечитав письма, она вдруг расплакалась. Показалось, что эти два года ожидания были самыми счастливыми. С чего бы? Радоваться надо, а тут такая тоска навалилась. Такой необъяснимый страх перед будущим... Выйдя во двор, она побродила по саду, посидела в беседке, прислушиваясь к шепоту листьев, к которым уже прикоснулась осень. Немного успокоилась и, вернувшись в комнату, задремала лишь под утро.

И вот этот долгожданный первый раз, о котором так давно мечтали влюбленные. Все произошло у Олега дома. Было нежно, трепетно и прекрасно. Начались бессонные ночи, узнавание друг друга, милые и пламенные признания. Это было незабываемое время. Так незаметно пролетел год. Молодые стали готовиться к свадьбе и в это время Олег познакомил Вику с другом, с которым тянул лямку в армии. Вы знаете, как мужчины относятся к армейской дружбе? Знаете.

– Викуся! – радостно заявил Олег, притащив с собой армейского дружка. – Познакомься, это Витька Душутин. Представляешь, он в нашей школе учился! Только годом старше.

«Ну, конечно! Если в одной школе учились, а потом еще и в армии встретились, то это дружба на все времена», – неприязненно подумала Вика, оглядывая молодого красивого

парня.

Виктор был полной противоположностью Олега. Невысокий шатен с нахальными светло-зелеными глазами. И вот этими беспутными глазами армейский друг просто содрал с Виктории кожу, не говоря уже об одежде.

– Очень приятно, – протараторила она, стараясь укрыться от бесстыдного взгляда.

– Олега, ты просто полон сюрпризов, – обаятельно улыбнулся Виктор. – Так долго скрывал свою девушку.

– Невесту, – заметил Олег. – У нас скоро свадьба.

– Да-а-а? – удивленно протянул друг. – Надеюсь, пригласите?

– Конечно, Витек! – радостно ответил Олег.

А у Вики вдоль спины пробежал неприятный холодок, как предвестник чего-то очень нехорошего.

Через неделю после этого разговора Олег и Вика подали заявление в загс. У молодых впереди было целых три месяца подготовки. Подруга Людмила, работающая в ателье закройщицей, вызвалась сшить Виктории свадебное платье. Кафе, платье, костюм, машины, все это требовало немалых денег.

Последние дни жених ходил сам не свой, все думал и думал о чем-то.

– Викусик, – как-то вечером обняв невесту, произнес

Олег. – Мне с тобой поговорить нужно. Очень серьезный разговор.

– *Передумал жениться?* – изобразив испуг, шутливо отозвалась та.

– *Не-е-е-т! Жениться очень хочу! Тут другое...*

– *Ну, говори же! Чтостряслось?*

– *Тут Витька мне дело предложил, – замялся парень.*

– *Какое дело?*

– *Денег подзаработать к свадьбе.*

– *А что это он так печется о нашей свадьбе?* – ледяным тоном поинтересовалась Вика.

– *Он же мой друг!* – возмутился Олег.

– *Уверен в этом?*

– *Викусик, ты прямо взъелась на Витьку! За что?*

– *Ни на кого я не взъелась!* – недовольно фыркнула Вика. – *Что за дело-то он предлагает?*

– *Нужно кое-куда съездить и кое-что передать.*

– *И все? И за это ты получишь деньги? Как-то подозрительно...*

– *Все там нормально, – отмахнулся Олег. – Так что завтра мы с Витьком уезжаем и вернемся только через неделю.*

– *Олег, ты никуда не поедешь, если не скажешь, что вы собрались делать!*

– *Машину надо перегнать из другого города, – нехотя признался тот. – Поверь, это не опасно. Мы же вдвоем будем.*

– *Мне очень не хочется, чтобы ты ехал, – вздохнула Ви-*

ка. – Но вижу тебя не разубедить?

– Ну, Кусичек! – Олег, словно котенок потерялся о Викино плечо. – Все будет хорошо. Обещаю!

– Ладно, – скрепя сердце согласилась она.

В эту же ночь Виктории приснилось, что идет она в свадебном платье под венец и не может рассмотреть жениха. То он спиной стоит, то лица не разглядеть. Но почему-то чувствовала Виктория, что не Олег это, а совсем другой мужчина.

– Милая, не расстраивайся. Через неделю уже буду дома и с деньгами! – как мог, успокаивал невесту Олег следующим утром.

«Не уезжай! Мне так страшно!» – хотелось закричать Вике.

– Обещай, что будешь осторожен, – попросила она.

– Конечно, лапонька моя! – обняв любимую, Олег нежно поцеловал ее. – Ну, все! Я побежал, Витька уже ждет.

Гулким стуком отозвались в сердце его шаги по бетонной лестнице подъезда.

– Пошли, хорошая моя, чаю попьем, – раздался позади голос будущей свекрови.

– Пойдемте, тетя Галя, – кивнула Вика, стараясь не разреветься.

– Не переживай так! Доля наша такая женская, ждать.

Минула неделя, а Олег и Виктор еще не вернулись. Вика совсем сникла, и все свободное время проводила у окошка, не выпуская из рук домашний телефон.

– Внучка, ты поела бы, – вздыхала бабуля. – А то заавится суженый, да испугается твоих мослов.

– Потом поем, сейчас не хочу, – морицилась Виктория.

В один из дней ей опять приснился сон, где она идет под венец. Только платье было не белое, а черное. И фата черная и туфельки на ногах тоже.

«Что же я в черное вырядилась? – в ужасе подумала Вика. – Ведь это свадьба, а не похороны!»

«Похороны, похороны, похороны», – эхом прокатилось в голове.

Вздвогнув, она повернулась к жениху. Рядом стоял Олег в свадебном костюме и, улыбаясь, смотрел на нее. Вот только на шее вместо галстука была веревка.

– Олег, ты зачем веревку-то повязал? – хотела спросить Вика, но не успела и проснулась.

«Все! – сев на кровати подумала она. – Все, я больше не увижу его».

– Вика, – в дверях показалась баба Валя. – Проснулась, золотко? Там к тебе парень какой-то пришел.

– Какой еще парень? – накидывая халат, хрипло спросила Вика. – Олег?

– Да Господь с тобой! – замахала руками бабуля. –
Что же я Олега не признаю? Нет, другой какой-то!

На пороге с ноги на ногу переминался Виктор.

– Где Олег? – голос перехватило от страха, и Вика за-
кашлялась.

– Вика, выслушай меня, пожалуйста. Тут такое дело... –
опустил взгляд Виктор.

– Что-о-о-о? Да говори уже!

– Нет больше Олега...

– Я знала, знала! – царапая себе лицо, громко закричала
Вика. – Я была в черном, а он с веревкой на шее, – прошеп-
тала, опускаясь в спасительную темноту.

Олега нашли повешенным в лесу недалеко от трассы.
Машина, которую он перегонял, исчезла. Местная милиция
долго заморачиваться не стала, а пришла к выводу, что
это суицид. У парня угнали машину, а он взял да повесился.
Вот и вся версия.

Хоронили Олега в том самом костюме, что купили к сва-
дьбе. Виктория стояла возле гроба и не сводила глаз с лю-
бимого лица, не в силах осознать, что видит его последний
раз. И больше никогда...

Все последующие дни свились в непонятный серый клубок.
Она что-то делала, что-то говорила, а мысленно все про-
матывала и проматывала последний день с Олегом. С Оле-
гом живым... И Олегом мертвым...

Как-то сидя за столом с чашкой чая в руках, Вика вдруг заметила Виктора.

– А ты что здесь делаешь? – удивилась она. – Бабуля! Что он здесь делает?

– Виконочка, деточка! – всплеснула руками баба Валя. – Витюша же тебя каждый день навещает.

– Да-а? – прищурив янтарные глаза, протянула Вика. – А где ты был? Где ты был, когда это все случилось? Вы же должны были вместе машину перегонять!

– Вика, – испуганно произнес парень. – Я же тебе рассказывал.

– Рассказывал? Не помню. Значит, расскажи еще раз.

– Выдался вариант пригнать две машины. Олег сам выдвинул эту идею. Денег к свадьбе хотел подзаработать.

– Ты-то живой и машину пригнал, а он нет! – зло перебила Вика.

– Вика, ты же не будешь меня обвинять в том, что я живой!?! – Виктор помолчал, будто что-то обдумывая. – Да и не надо было Олегу горячку пороть. Подумаешь, машину угнали! Я бы ему денег занял, отбил бы следующей поездкой и все дела. Зачем было вешаться?

– Всерьез думаешь, что он покончил с собой? – вскочив, она опрокинула чашку с чаем. – Покончил собой, зная, что я его жду?! Олег бы ни за что так не сделал! Его убили!

– Думай, что говоришь, – побледнел Виктор.

– Это ты думай! – Вика заорала так, что в комнату снова вбежала бабуля.

– Девочка моя, – и обняла рыдающую внучку. – Поплачь, поплачь, а то зажала все слезы в себе и окаменела. Плачь, милая! Со слезами-то и вся сердечная мука выйдет.

– Бабушка-а-а! Я жить не хочу...

– Что ты! Господь с тобой! – ахнула баба Валя. – Даже думать не смей! Слышишь меня?

– Слышу... Бабуля, как жить-то теперь? Чем? В душе пусто...

– Все зарастет, – прошептала та, уводя внучку в спальню. – Пойдем, поспишь. Сон и время – твои целители сейчас.

– А ты уходи, – махнула гостью баба Валя. – И хватит каждый день к нам шастать. Дай ей забыться.

– Хорошо, Валентина Ивановна, – кивнул Виктор. – Через неделю зайду.

– А еще лучше, через две.

Викторию в тот вечер будто прорвало. До двух ночи рассказывала бабушке, как любила Олега, как они встречались в школе, как поцеловались первый раз. Воспоминания мелькали в памяти яркими вспышками, и она едва поспевала за ними. Наговорившись и наплакавшись, она почувствовала, как ее чуть отпустило. Стало легче дышать и мозг, словно прочистился от слез. Заботливо укрыв уснувшую внучку одеялом, баба Валя вышла из спальни.

В эту ночь к Виктории снова вернулся ночной гость, покинувший ее в тот самый день, когда она стала женщиной с Олегом.

Соскучившаяся по мужской ласке Виктория не сопротивлялась.

– Посмотри на меня, – целуя, прошептал ночной визитер.

– Не хочу...

– Посмотри же, – не отставал гость и Виктория, с трудом разлепив соленые от слез ресницы, взглянула на таинственного любовника.

– Олежа, – прошептала она, увидев любимое лицо. – Боже мой! Олежа! Ты жив! А мы тебя похоронили, представляешь? Представляешь, какая глупость? И все думают, что ты умер.

– Тихо, тихо, моя милая, – горячо зашептал Олег. – Как я по тебе соскучился.

– Я тоже... – простонала Виктория, почувствовав любимого внутри себя. – Я тоже...

С той ночи Виктория начала приходить в себя, и родные, с тревогой следившие за ее переживаниями, успокоились.

– Ну, вот, – радостно говорила баба Валя. – Девонька наша на поправку пошла! Дай-то Бог! А то ведь смотреть на нее страшно было.

А Виктория только и жила в ожидании ночей и страстных свиданий с Олегом. Или с тем, кто притворился Оле-

гом. Ну и что? Если от этих встреч в ней снова проснулась жажда жизни, то, что в этом плохого?

Жизнь шла своим чередом. Виктор, после похорон Олега целый год ходил за Викторией как побитая собака. Но та видеть его не могла, не то, что разговаривать. Походил, походил парень, да и рванул на север за длинным рублем.

Справляя двадцати пятилетие старшей внучки, баба Валя вдруг ударилась в слезы.

– Бабуль, ты чего? – удивилась тогда десятилетняя Юлька.

– Да ничего, – отмахнулась носовым платком та. – Дайте мне кусок торта, да побольше!

А вечером, когда девчонки легли спать, баба Валя надела на Михаила.

– Пропадает девка-то! – выговаривала она. – Никуда не ходит! Работа – дом – работа! Так она ни с кем и не познакомится.

– Мам, ну не хочет она пока знакомиться, – заступался за дочку отец.

– А когда захочет? Когда восемьдесят лет стукнет? – не отступала та.

– Ну, ты загнула, конечно! – рассмеялся Михаил. – Вот зарастет сердечная рана и познакомится!

– Долго что-то зарастает, – недовольно пробубнила баба Валя и отправилась спать.

– Ну и что ж теперь? – пожал плечами Михаил. – Может и не зарости совсем, – вздохнул он, вспомнив жену.

Вика обнаружила себя сидящей на голом крашеном полу в двухкомнатной квартире. Перед ней стояли тазы и ведра с кусками человеческого тела. Крови не было. То есть кровь, конечно, была и много, но ее уже уносило по чугунным стоякам пятиэтажки. Почему пятиэтажки? Да потому что, Виктория точно знала, что живет в пятиэтажке. Теперь нужно сделать самое главное; разложить куски по пакетам и вынести в мусорные контейнеры. Ночью, чтобы никто не заметил. И желательно подальше от дома. Складывая куски того, что еще несколько часов назад было человеком, Вика не испытывала страха или мук совести. Ну, убила и убила. Теперь главное не попасться. А кто был этот человек и за что она его так, не помнила. Убийство стерлось из памяти. Сейчас бы убрать все и больше никогда... Никогда этого не совершать. Впрочем, она уже много раз давала себе слово, и даже какое-то время держалась.

А потом что-то случилось, и она приходила в себя уже в квартире, пакуя по пакетам останки.

– Ужас, ужас, – шептала Вика, толкая перед собой сумку на колесиках и разбрасывая по разным контейнерам тяжелые пакеты.

Обязательно по разным! Чтобы запутать всех и вся. Выкидывая последний пакет, она огляделась. Знакомая местность. За углом начинался частный сектор, и совсем рядом ее дом.

Вика замерла, понимая, что что-то не так... В голове частный дом так ловко переплелся с двухкомнатной хрущевкой, что она не могла понять; где же на самом деле ее жилье? Куда идти?

Знакомый незнакомый двор завертелся ненормальной каруселью, и мусорные контейнеры с грохотом перевернулись. Раздался противный шорох...

Пакеты зашевелились и словно огромные черные гусеницы поползли к Вике.

– Я не хотела! – закричала она, не в силах сдвинуться с места.

А пакеты все ползли и ползли и вот уже завалили ее по грудь и уже нечем дышать. И вот уже и ничего не видно, кроме черного полиэтилена. Темнота и шуршание. И что-то липкое.

«Плохо кровь спустила, не всю», – промелькнула чужая мысль. Чужая...

– Да какую кровь?! – закричала Вика и проснулась.

Сон выветрился из памяти, как только Виктория, засунув ноги в мягкие тапочки, проилепала в ванную.

На работу сегодня к двенадцати, так что можно не то-

ропиться. Заварив чай, она положила в тарелку бабулиных сырников и приготовилась не спеша позавтракать в полной тишине. Не получилось.

Громко хлопнули ворота и через минуту в дом ввалились Юлька и баба Валя.

– Ура-а-а! – швырнув портфель, проорала сестренка. – А у нас уроки отменили!

– В связи, с чем это? – нахмурилась Виктория.

– А у бабули спроси! Я не поняла ничего! – отмахнулась та и ускакала в свою комнату.

– Что там, бабуль? – ловко расправляясь с сырником, заинтересовалась Вика.

– Ой, Вукуся, и не спрашивай! Ужас-то какой! – заохала баба Валя.

– Что там за ужас? Бомбу нашли? Школу заминировали?

– Ах, если бы!

– Бабуль, – старшая внучка даже жевать перестала. – Ты что такое говоришь?

– Да бомбу-то увезут и взорвут, а школу разминируют! А тут и не знаю, как сказать. Маньяк у нас в округе завелся. Представляешь? Распиливает людей на кусочки, складывает по пакетам и выбрасывает в мусорные контейнеры. Вот!

– Да-а? – растерянно переспросила Вика и замерла. Перед глазами пронесся сегодняшний сон.

– Ужас... – побледнев, добавила она.

– Это все, что можешь сказать?

– Нет, не все, – покачала головой внучка. – Могу еще кое-что к этому добавить.

– Э-э-э, – разведя руками, баба Валя выжидающе уставилась на Вику.

– Могу добавить, что этот тип живет в пятиэтажке, где-то рядом с нашим частным сектором. Он болен. Психически болен. Что там у него, не знаю. Может шизофрения, а может раздвоение личности. Я в этом не сильна. Как убивает и почему, не помнит. Приходит в себя только после убийства, когда надо заметить следы. Боится, что поймают и очень страдает. Болен, болен. И скорей всего это мужчина.

– Как это ты? – проблеяла баба Валя.

– Это, бабуля, опять сон, – вяло отмахнулась внучка.

– Так надо Михаилу рассказать!

Михаил Васильевич Вихлянцев, Викин отец и сын бабы Вали, был начальником следственного отдела.

– Ой, бабуля, – фыркнула Виктория. – Что ты ему скажешь? Что его ненормальной дочери опять вещей сон приснился, где она побывала в теле преступника? Фу! Если честно, то мерзкое ощущение.

– Зря хихикаешь! – обиделась Валентина Ивановна. – Миша очень серьезно относится к твоим снам и видениям.

– Ладно, не обижайся, – поцеловав бабулю, Вика принялась мыть посуду. – А про сон надо рассказать. Этого человека лечить надо, а он спокойно расхаживает по улицам.

Маньяка схватили через неделю. И конечно Викина помощь в этом деле оказалась неоценима.

Выслушав Викин сон, папа поверил. Поверил и велел первым делом проверить душевно больных людей. Кто состоит на учете, а кто может и выписался недавно. И прямо в яблочко попал! Три недели назад в период стойкой ремиссии из больницы выписался Вязов Александр Витальевич. Мужчина сорока лет, славянской наружности. Соседи на него не жаловались, говорили, что после больницы ведет себя тихо. Милиции повезло. Той же ночью подозреваемый подъехал к подъезду на своем москвиче и, вытащив из багажника внушительный мешок, стал подниматься к себе в квартиру. Тут его и повязали. В мешке оказалась девушка лет пятнадцати. Без сознания, но живая и невредимая. Как выяснилось позже, Александра взбесило ее ярко-красное платье. И с остальными жертвами та же история. Достаточно одного яркого пятна в одежде и все... Вот так Викин сон спас девушке жизнь.

С тех пор приходя с работы, папа всегда спрашивал за ужином.

– Ну что дочка, виделось тебе еще что либо? А то у меня

висяков куча!

– Пап! Мне же не по заказу сны снятся, – смеясь, отмахивалась Виктория. – Я не могу их контролировать.

– А жаль, – вполне серьезно огорчился отец.

Второй похожий случай произошел под рождество. Вика приснилось, что стоит она в незнакомой двухкомнатной квартире. Темные подтеки на облупленных стенах, серый потрескавшийся потолок. На оплеванном полу – грязный засаленный матрац.

Тут, угрожая сорваться с петель, тщедушная входная дверь сотряслась от ударов.

– Ну, заходи... – усмехнувшись, Вика открыла щеколду.

На нее набросился высокий мужчина. Набросился и напоролся на огромные портновские ножницы, которые Вика хладнокровно выставила перед собой.

Подтаскивая стонущего мужчину к балкону, она внезапно услышала позади себя шорох и едва успела среагировать.

– Ах ты, гаденьш... – только и успела произнести худая женщина, похожая на бомжиху.

И замолчала, безжизненно опустившись на грязный пол.

Вытащив ножницы из тела, Виктория вытерла их об платье убитой и положила в большой нагрудный карман своего комбинезона.

Потом с легкостью перекинула трупы через балкон. Жильцы, привыкшие к пьяным дебошам непутевых соседей

не обратили внимания на громкие стуки в дверь и вопли.

Уже выехав за город, Виктория заметила, что ножницы в кармане нет.

— Куда они могли деться? — шептала она в панике, шаря под сиденьями автомобиля. — Неужели в квартире забыл? Не может быть! Неужели? — и в отчаянии обхватила голову руками. — Неужели выпали, когда трупы сбрасывал? Вернуться? Да, нет! Там наверняка народ уже собрался! Вот влип, так влип!

От страха перед тюрьмой, перехватило дыхание. В глазах потемнело, а под мышками выступил противный липкий пот.

— Не хочу в тюрьму. Не хочу в тюрьму. Еще одного раза я не вынесу, — все повторяла и повторяла Вика, скрючившись на сиденье автомобиля.

— Вика ты чего? — трясла ее за плечо испуганная Юлька. — Какая тюрьма? Что тебе там приснилось?

— А? Чего? — вскочив, старшая сестра испуганно смотрела перед собой. — Что, трупы уже нашли? Милиция приезжала? — выкрикнула она не своим голосом.

— Бабуля! — Юлька опрометью помчалась за подмогой.

— Бабуля, там Вика про трупы какие-то задвигает! И спрашивает, не приезжала ли милиция. И голос у нее как у мужика!

— Да не таракти ты, — поморщилась баба Валя. — При-

снилось либо что сердечной нашей, а ты разохалась.

– Викусенька, – обняв старшую внучку, бабуля заглянула ей в глаза. – Пришла в себя?

– Пришла, – кивнула та.

– О! Вот теперь нормальный голос! – заметила Юлька, с любопытством разглядывая сестру.

– Приснилось что? – ласково спросила баба Валя.

– Приснилось, бабуль.

– Стоящее что, или так, мусор?

– Еще не знаю...

– Запиши, а то забудешь, – прошептала Юлька, которая была в курсе странных способностей сестры. – И что вы на меня так смотрите? Папа же сказал записывать. Забыли?

– Смотрите-ка, умная какая! – фыркнула бабушка и шутливо шлепнула младшую внучку. – Иди, умывайся и завтракать.

– Бабуль, дай тетрадь, – подумав, попросила Вика. – Запишу, а то сотрется за день.

– Ну, пиши, пиши, – прокряхтела бабуля, вставая с кровати. – Делай свои писульки и завтракать.

– Ну, и что это значит? – выслушав вечером старшую дочь, спросил отец.

– Пап, не знаю, – пожала плечами та. – Я рассказала, а ты уже сам смотри, что и как. Не было у вас двойного

убийства мужчины и женщины? Женица старше, может мать, а может сестра. Сильно пьющие. Ну?

– Типун тебе на язык, – беззлобно пожелал отец. – Еще не было.

– Скорее всего, убийство будет закамуфлировано под бытовуху, – выдвинула версию дочка.

– Это как? Сначала женщина убила сына, а потом себя?

– Папа! Чего прикалываешься? Три алкаша собрались, напились и поругались. Драка, пьяные разборки и печальный итог посиделок, два трупа. А третий убежал.

– Третий труп убежал!?! – поперхнулся чаем отец.

– Папка! – не выдержав, рассмеялась Вика. – Какой из тебя начальник? Все шутки шутишь!

– Ну, без чувства юмора у нас нельзя, – серьезно ответил Михаил Васильевич. – Понял я, понял, что сказать хотела. Поживем, увидим, милая моя, – с нежностью посмотрел он на взрослую дочь.

Ждать пришлось совсем недолго. Буквально на следующий день под балконом своей квартиры были найдены трупы матери и сына. Нигде не работающие и сильно пьющие. Квартиру свою они давно продали за смешные деньги какому-то дяде, но продолжали жить в ней. Сначала пропили деньги за квартиру, потом продали всю мебель, вплоть до сантехники и газовой плиты.

И вот сегодня утром они были найдены мертвыми,

но смерть наступила от удара о бетонную дорожку, а не от ранения ножницами. Под подозрение попал покупатель квартиры, но не тут-то было. Умный дяденька уже три месяца находился за границей.

– И что? – рассказав дочке про случившееся, спросил отец. – Бытовуха, пьяные разборки. Нужно искать, кто был третьим. Наверняка соображали на троих. А ножницы тогда к чему? Ну, которыми ты во сне убивала.

– Да я поняла, – кивнула Виктория. – Если ножницы при-
снились, то не просто так.

– Ерунда все это, – махнул рукой отец.

– Папа! – осенило вдруг дочку. – А поищите в квартире ножницы! Они должны быть! Прямо вижу их, такие огромные с зелеными ручками.

– Пластмассовыми?

– Нет, железными.

– Думаешь там отпечатки?

– Да! Он их как-то задействовал, а в машине вспомнил. В тюрьме сидел, а значит отпечатки быстро пробьете.

– Ножницы, ножницы... – бормотал, размышляя отец. – Может, это все-таки не ножницы? Зачем убийце портновские ножницы? Если он напоил потерпевших и сбросил? Глупость какая-то...

– погоди! – вскочила вдруг Вика, чуть не опрокинув стол.

– Доча, чего, как коза скачешь?

– Папка, вспомни! У тебя было дело несколько лет назад.

Вы еще его с мамой обсуждали!

– А ты, видимо, подслушивала?

– Конечно! Так вот, там мужчина сожительницу ножницами пырнул. Она потом в больнице скончалась. А у мамы точно такие же ножницы были, которые мне приснились. Я еще их бояться стала и прятала все время, а мама искала и ругалась. Помнишь?

– Думаешь? – и рука отца потянулась к телефону.

Верный признак того, что версия его заинтересовала.

И версия оказалась правильной. Подняли дело десятилетней давности. Владимир Мельников в пьяной драке ранил сожительницу ножницами, и та скончалась в больнице. Владимира осудили на восемь лет, а год назад он вышел на свободу. Нагрянувших к нему оперативников Владимир будто ждал. Подтвердил, что в тот вечер виделся с потерпевшими. Мать с сыном напились и сцепились непонятно из-за чего. Владимиру надоело слушать их пьяные склоки и он по тихому слинял домой. Тем более, выпивка закончилась. Прямых улик против Мельникова не было, а обвинять человека и-за какого-то сна...

– И что теперь, папуль? – расстроено спросила Вика, услышав новости.

– Не будем выпускать из вида. Наверняка у него был за-

казчик. Самому убивать этих несчастных резону не было. Ну, а если тебе еще что приснится, сразу мне докладывай, – подмигнул отец.

– Ой, папка, – рассмеялась Вика. – Ну тебя!

– Не ойкай. Что там, на личном фронте? Слышал краем уха, что встречаешься с кем-то, – решил спросить Михаил.

– Пап, – Вика сморщилась, будто лимон проглотила.

– Что, папа? Почему домой не приводишь? Познакомись бы.

– Да предлагала ему, – расстроено призналась дочка. – Не хочет.

– Что значит, не хочет? – рассердился отец. – Есть что скрывать ему?

– Папка! Ты со своей профессией всех готов подозревать! У нас несерьезно.

– Как это, несерьезно? Тебе двадцать шесть лет, а у тебя все несерьезно. Вика!

– Пап, ну хватит уже! – рассердилась дочка и вышла из комнаты.

– Как же мне тяжело с девочками, – взяв фотографию жены, проговорил Михаил. – И тебя, Лидушка, не хватает. Ты бы и спросила правильно и посоветовала. А я что? Как ни спрошу, так слезы и обиды. И девочкам нашим плохо без тебя. Спасибо матери, очень она мне помогает. Вот такие вот дела у нас. Выросли дочки наши, выросли.

А у Виктории действительно был роман. Роман с опер уполномоченным Андреем Чурзиным, работающим в отделе отца. Андрей как-то заехал к начальнику домой по срочному делу. Пока отец собирался, расторопный опер быстренько узнал у Вики номер телефона, а через день позвонил и назначил свидание. Но единственное о чем попросил Андрей, так это держать их отношения в тайне. Чтобы Михаил Васильевич ни в коем разе не узнал об этом, так, как начальник у них очень строгий и не одобрит шуры-муры с его дочерью.

– Вот подольше повстречаемся и откроем нашу тайну, – успокаивал Андрей. – Представляешь, как все удивятся?

– Представляю, – вздыхала Виктория, думая; а подольше, это сколько? Ведь роман длился уже три месяца...

Это был первый мужчина после Олега, с которым Вика решила на интимные отношения.

«Мне уже двадцать шесть, – невесело размышляла она. – Олега не вернуть. Надо как-то дальше жить. Ну, или хотя бы попробовать».

Вика изо всех сил старалась не сравнивать Андрея с Олегом. Соскучившаяся по мужской ласке наяву, девушка с таким пылом предалась сексу, что парень попросту ошалел.

– Ну, вы девушка даете, – еле отдышавшись, восхищенно произнес он, откинувшись на подушки. – Выжсала меня как

лимон.

– Да? – невинно промурлыкала Виктория.

– Смотрю, не устала совсем? – покосился на нее Андрей.

– Я? – обдумывая ответ, Виктория нахмурилась. – Ты меня просто вымотал, – обессилено простонала она.

– Врушка! – рассмеялся Андрей. – Не забывай, я все-таки опер! Мне врать нельзя.

– Мне тоже, – шуткой откликнулась та.

Но реакция мужчины на ее слова немного насторожила. Непонятно чем, но насторожила.

С появлением Андрея ночной гость перестал приходить, а во снах Виктории что-то поменялось. Сначала она никак не могла уловить, в чем дело, пока не произошел случай, который все и разъяснил.

Был выходной, и Виктория отсыпалась от души.

Сквозь сон услышала, как в спальню зашли Юлька и бабуля. И тут поняла, что не только слышит, но и видит. Видит, что бабуля, поправив одеяло и, стараясь не шуметь, вышла из комнаты. А младшая сестренка, на цыпочках подойдя к кровати, прошептала:

– Спит еще, вот соня!

– Уже не сплю, – пробубнила Вика. – С вами поспишь, ходите тут...

Но Юлька не услышала ее и, взяв что-то со стола, ускакала.

Еле поднявшись, Вика поплелась на кухню. На завтрак были блинчики. Ажурные невесомые вкусные.

– У-у-у, тоже хочу блинов, – радостно произнесла она, но ее снова не услышали.

– Видела Викиного ухажера или как? – подкладывая младшей внучке блинов, выводывала баба Валя.

– Видела, – с набитым ртом кивнула Юлька. – Симпатичный!

– Вы чего? – ошолбенела от такой наглости Вика. – Со всем, что ли?

– Симпатичный, это хорошо! – как ни в чем не бывало, обрадовалась бабуля. – Только, что же она нас с ним не познакомит? Пора бы уже.

– Да вы издеваетесь, что ли? – подняв крышку над сковородкой, Вика со всей силы опустила ее обратно.

– Что это? – чуть не расплескав чай, вздрогнула Юлька. Пойдя сквозь Вику, бабуля подошла к сковородке и тщательно осмотрела со всех сторон.

– Может, барабашка шалит?

– Барабашка?! – хором воскликнули сестры, но с разной интонацией. Младшая испуганно, а старшая очень и очень возмущенно.

Вику потащило обратно в спальню. Пролетев по коридору, она очутилась в комнате и, увидев себя со стороны сильно удивилась. И тут ее тело быстренько притянуло загу-

лвящую душу обратно.

«Боже, – не в силах пошевелиться, Вика беспомощно вращала глазами. – Что это было-то?»

Тело, побывшее несколько минут без души, отказывалось слушаться хозяйку. Вика некоторое время лежала, словно парализованная, не в силах даже позвать на помощь. Наконец-то отпустило.

Шатаясь и словив чувство дежавю, она выползла на кухню

– О, соня проснулась! – поприветствовала сестренка. – Как спалось?

– Нормально спалось, – буркнула та. – Блинами балуетесь?

– Как угадала? – удивилась Юлька. – По запаху, что ли?

– По запаху, по запаху.

– А знаешь, что тут было? – испуганно вытаращив глаза, прошептала сестренка.

– Не представляю, – положив себе блинов, Вика уселась за стол.

– У нас крышка от сковородки сама приподнялась и как опустится с грохотом!

– Не выдумывай, – шикнула бабуля, отвесив младшей внучке легкий подзатыльник.

– Ничего я не выдумываю, – обиженно произнесла Юлька. – Ты сама от страха чуть ли не до потолка подскочила!

– Крышка, говорите, грохнула? – отложив блин в сторону, Виктория задумалась. – А про меня, зачем разговаривали?

– Чего это мы про тебя говорили? – невинным голосом переспросила баба Валя. – Ничего не говорили, милая. О чем ты?

– Рассказывайте теперь. Ухажера моего обсуждали, – Вика многозначительно взглянула на замерших родственников. – Так ведь?

– Ты ведь спала? – переглянулись те смущенно.

– Спала, да не совсем.

– Это как так? Опять сны видела? – догадалась бабуля.

– Даже не знаю, что это было.

– Расскажи, – попросила Юлька.

– Не сейчас. Самой для начала разобраться надо, что это было. Бабуль, налей чаю, пожалуйста.

Со временем Вика научилась выходить из тела на большие промежутки времени. Поначалу, боясь отлучаться далеко, она бродила по соседям. А однажды захотела перепрыгнуть забор и вдруг полетела!

Прямо как птица. Это было непередаваемо!

Теперь Вика путешествовала по ночному городу, ходила по мрачному старому скверу, что лежал на окраине города возле самой речки. Прочесала все овраги и заброшенные дома в округе.

Страшно, жутко и интересно! Но у всего этого имелся один минус, Виктория не высыпалась.

В выходные дни стала устраивать себе тихий час, как в детском садике, и с удивлением обнаружила, что днем тоже можно выходить из тела. Даже еще интересней.

Однажды проспав целый день, она до смерти напугала семью, которая никак не могла ее добудиться. Хлопанье по щекам, нашатырный спирт, ничего не помогало.

И как же повезло, что Вика вернулась из далекого путешествия именно в тот момент, когда ее тело загружали в машину скорой помощи. Напугав санитаров, она откинула простыню и легко соскочила с каталки. И сразу же попала в крепкие объятия счастливых родственников.

Пришлось во всем сознаться, чтобы в следующий раз не возвратиться, когда будет уже поздно и некуда.

Роман с Андреем продолжался уже полгода. И каждый раз, когда Виктория приглашала его в гости, парень под разными предложениями увиливал. Встречались молодые три раза в неделю по одной и той же схеме. Андрей заезжал за Викторией на работу и вез к себе домой. Очень скоро Вика стала оставаться с ночевкой, несмотря на то, что общение с матерью Андрея, давалось ей очень тяжело. Будто через себя переступала.

– Галина Петровна, – представилась холеная женщина в первое их знакомство, протянув руку гостье.

Отвечив на рукопожатие, Виктория неожиданно смущилась. Ее так бесцеремонно оглядывали, словно...

«Уличную девку», – промелькнуло сравнение.

– А что такое пожатие слабенькое? Сил, что ли нет? – тут же придралась Галина Петровна.

– Не обращай на нее внимания, – поспешил успокоить Андрей, когда они с Викой остались одни в комнате. – У мамы очень тяжелый характер.

Несмотря на то, что Галина Петровна всегда их радушно принимала, Вика постоянно что-то настораживало. Словно она слышала фальшивые ноты в знакомой мелодии.

Однажды мама Андрея зачем-то позвала ее в свою комнату. То ли показать что-то хотела, то ли еще что... Но что бросилось Вике в глаза, так это большая фотка висевшая на стене. На фотографии был изображен забавный мальчишка.

– Ой, а кто это такой хорошенький? – умилилась она. – Это Андрей в детстве?

– Нет, – поджала губы Галина Петровна. – Это мой внук.

– У вас еще есть дети? – наивно удивилась Вика.

На что мама Андрея, окатила ее насмешливым взглядом и, напевая какой-то романс, выплыла из комнаты.

Конечно же, Галина Петровна не случайно затащила ее в эту комнату. Все было так очевидно... Прямо до тошноты и до обморока. Вика проглотила эту оплеуху, но напрямую спросить Андрея так и не решилась.

Ситуация раскрутилась постепенно сама по себе.

Новый год Вика встречала в кругу семьи, так как у Андрея было ночное дежурство.

– Что же ты своего молодого человека не пригласила? – спросил за праздничным столом отец.

– У него работа, – ответила дочка, печально пялясь в телевизор, по которому шел бессмертный «Голубой огонек».

– Что же это за работа такая? – пробурчал отец.

– У тебя же опера тоже дежурят?

– У меня? Конечно, дежурят.

– И кому же сегодня так повезло? – словно невзначай поинтересовалась она.

– Жданову повезло. Он парень холостой, а женатики по домам сидят. Или не по домам, это уж не мое дело.

– Вот как, – стараясь сохранить самообладание, равнодушно откликнулась дочка. – Ну и пусть дежурит, если не женат.

А у самой сердце сжалось от такого известия.

Андрей позвонил в час ночи, наверное, чтобы поздравить с праздником, но Виктория, отклонив вызов, отключила мобильный.

Кое-как досидев до трех часов, она ушла спать, отметив про себя, что худшего нового года в ее жизни еще не было. Привкус обмана чувствовался во всем. Было стыдно, обидно, непонятно и неприятно.

«В любой непонятной ситуации ложись спать», – с улыбкой вспомнила она шутку Олега.

– Вот видишь, Олежка, следуя твоим рекомендациям, – прошептала Виктория и, накрывшись одеялом с головой, уснула.

Ласковых прикосновения ночного гостя разбудили ее.

– Пришел? – сонно пробормотала она.

– Сама меня позвала, – прошептал тот.

– Я не звала.

– Звала. Тебе плохо и одиноко сегодня и ты меня позвала.

– Понятно, – вздохнула Виктория. – Являешься, когда мне плохо?

– Да...

– Кто ты такой?

– Все мое время, а сейчас я должен помочь тебе.

– Давай же не тяни. Если честно, то соскучилась по тебе, – потянувшись в сладкой истоме, неожиданно призналась она.

Андрей названивал всю рождественскую неделю, и Виктория с необъяснимым чувством наслаждения игнорировала его звонки. Все праздники она не выходила из дома, смотрела телевизор, спала, мечтала и выгуливала душу. Это было так необычно ходить зимой по снегу и не мерзнуть. Бабуля, взяв младшую внучку, рванула в деревню в гости к родной сестре. Папа пропал на работе. Виктория отдыхала

от всех и вся.

В первый рабочий день после рождественских каникул Андрей с самого утра караулил Викторию у школы. Заметив его, Вика попыталась проскочить мимо, но настырный опер загородил дорогу.

– Почему трубки не берешь? – не поздоровавшись, спросил он.

– Отвали от меня, – Виктория, когда хотела, могла быть очень резка.

– Не понял, ты чего? – схватил ее за плечи Андрей.

– Я непонятно выразилась? – повысила она голос.

Прохожие стали обращать на них внимание.

– Давай сядем в машину и поговорим, – попросил Чурзин. –

Что мы на виду у всех?

Сев в машину некоторое время молчали. Виктория демонстративно смотрела в окно, отодвинувшись как можно дальше.

– Викуся, ну чего ты? – Андрей взял ее за руку.

– Ничего. Как отдежурил на новый год?

– Да нормально. Без происшествий. Почему телефон не брала?

– Да потому что, в эту ночь дежурил Жданов, – сквозь зубы процедила Вика.

– Жданчик? – удивленно переспросил Андрей. – Ну, да. Это его дежурство было. Но я ему смену задолжал, и он

именно в праздник попросил отдать должок. Хитрый чувак! А начальству об этом знать незачем.

– Так ты, действительно, работал? – с надеждой спросила она.

– Конечно, работал, а ты что себе там напридумывала? Слушай, я так соскучился... Поехали вечером ко мне?

Так хотелось верить ему, так хотелось...

– Поехали, – кивнула Вика.

И все стало, как прежде... Только теперь внутри проклюнулось зернышко недоверия и росло себе потихоньку, оплетая душу сомнениями.

Это случилось весной. Вике так надоел шумный город, и она попросила Андрея свозить ее за город, полюбоваться на поля, усыпанные цветущими тюльпанами.

По дороге у опера тренькнул сотовый, извещая о смс. Взглянув на дисплей, он тихо выругался и с опаской покосился на Вику. Та равнодушно смотрела в окно, делая вид, что ее занимает просыпающаяся природа.

– Вика, – подал голос Андрей. – Заскочим сейчас к моему напарнику? Прямо на минуточку, а ты в машине подождешь. Договорились?

– Хорошо, – пожала плечами она, продолжая пялиться на пейзаж за окном.

Приехав в уютный коттеджный городок, Андрей остановил машину.

– Кисонька, я быстро, – пообещал он и скрылся в близлежащем переулке.

«А что это он прямо к дому не подъехал? Помечтай, как же... Буду я здесь сидеть и ждать», – и потихонечку захлопнув дверь автомобиля, Вика припустила вслед.

Выглядывая из-за угла, увидела, что Андрей зашел в двухэтажный дом с мансардой.

«Красивый дом у друга», – отметила про себя и, заметив, что Чурзин уже возвращается, ретировалась в машину.

– Что там, у друга приключилось? – невинно поинтересовалась она.

– У друга? – глупо переспросил Андрей.

– Ну, да. Ты же к другу сейчас ходил?

– Да так, мелочи, – отмахнулся опер. – По работе.

– Ну, если мелочи, то поехали, – произнесла Вика, стараясь запомнить местность и маршрут.

Для чего? Да для того, чтобы бесплотной оболочкой наведаться сюда ночью, или днем. Как получится...

Ночью. Наведаться в двухэтажный заинтересовавший Вику дом получилось ночью. Или если быть точнее в одиннадцатый вечера. Ни то, ни се... Уже не вечер и еще не ночь. Закрывшись в спальне, чтобы никто не помешал, Виктория с удовольствием окунулась в прохладу и лавандовый запах постели и спустя полчаса уже крепко спала. Тело спало, а душа, отделившись, отправилась на поиски дома с ман-

сардой.

Чуть-чуть запутавшись, она все-таки вышла к коттеджу. Сквозь ажурный забор свешивались огромные розы.

– Красиво, – прошептала Виктория, вдыхая запах мокрой земли.

Судя по всему, сад недавно поливали.

Перепрыгнув через забор, она направилась к входной двери, и зайдя внутрь, немного оробела, почувствовав себя чуть ли не преступницей.

Мраморный дог, лежавший возле искусственного камина, поднял голову и наострил уши.

– Р-р-р, – прорычала собака, не понимая в чем дело.

– Мам! – послышался детский голос сверху. – Там Лорд рычит!

– Я не слышала, – ответил женский голос.

Послышались шаги, и на втором этаже показалась полноватая женщина с усталым лицом. Темные корни светлых волос давно просились на покраску. Обогнав ее, к собаке подбежал мальчишка. Тот самый, чья фотка висела в спальне у матери Андрея. Хлопнула входная дверь.

– Ура! – закричал мальчишка. – Папка пришел! – и, пролетев мимо Вики, повис на шее у Андрея.

Да, да. У Андрея Чурзина. Того самого Андрея с кем уже больше полугода встречалась Виктория.

– Что так поздно? – недовольно проворчала женщина с усталым лицом.

Видимо, жена. Только у жен могут быть такие недовольные лица и голоса.

– Наташ, да ты что? – подкинул сынишке Андрей. – Всегда так прихожусь.

– Еда на кухне, – буркнула та и скрылась на втором этаже.

– Понял, – кивнул Андрей. – Ну, что Кирюха? – обратился к сыну. – Пойдем, перекусим?

– Ничего себе, – шептала Вика, не в силах поверить. – Ну, ничего себе... – повторяла снова и снова.

– Р-р-р, – опять рыкнул мраморный дог, глядя на нее светло-кариими глазами.

– Ухожусь, ухожусь, – пробормотала она, и тут почувствовала, как ее притягивает обратно в тело.

Придя в себя, Виктория долго смотрела на полную луну, нахально светившую в окно.

– Сволочь, – выплюнула она сквозь зубы непонятно кому. То ли Андрею, то ли луне, а может обоим сразу и, повернувшись на бок, уснула глубоко без сновидений.

Сидя в кафе, Виктория неприязненно поглядывала на Андрея.

«Нормально устроился, – думала она, нервно накручивая на палец выбившийся локон волос. – И жена и любовница. Вот фрукт! И самое главное, его мамаша в курсе... Вот это, вообще ни в какие ворота не лезет».

– Викусь, чего такая? – радостно улыбаясь, поинтересовался опер.

«О, ощерился во все тридцать два зуба!» – невольно передернулась Вика.

– Какая, такая?

– Ну, не знаю... – заерзал вдруг Андрей, почувствовав себя крайне неудобно.

– Нормальная я. Просто спросить хотела...

Чурзин насторожился. Тон подруги не предвещал ничего хорошего.

– Спрашивай, – не очень уверенно кивнул он.

– Как там Кирюша с Натальей? Ждут тебя домой, не дождутся... А муж и отец, значит, решил левака вдарить? Сидишь тут со мной прохлаждаешься. А еще мраморный дог по кличке Лорд. Тот же ждет...

– Кирюша, Наташа... – медленно произнес Андрей. – Ты про что?

– Про семью твою, Андрюша. Про жену и ребенка. Или забыл про них? – не сдержавшись, резко ответила Виктория. – Я все знаю, так что не пыжься и не сочиняй разную белиберду.

Изменившись в лице, опер стал бесцельно перекладывать с места на место вилку и нож.

– Ой, положи холодное оружие, а то мне страшно, – презрительно фыркнула Вика.

– Здорово, дружище! – раздался возглас, и какой-то

мужчина бросился тормошить и обнимать Андрея.

– Витька! – воскликнул тот, обрадовавшись, что хоть на время можно соскочить с неприятной темы. – Вернулся из своего заполярья? Или, где ты там обитал?

– Примерно там, – ответил мужчина и повернулся к Виктории. – Здравствуй... – дрогнувшим голосом произнес он.

– Витя? – увидев перед собой Виктора Душутина, девушка привстала от изумления.

Да, того самого Витьку, что был другом ее Олега.

И давнишние события разом пронеслись перед ней. И подготовка к свадьбе и знакомство с Виктором, и их поездка. И похороны, вместо свадьбы.

– Как ты, Вика? – обнимая ее беспутными светлыми глазами, спросил Виктор.

– Нормально, – кивнула она, тщетно стараясь успокоиться.

– А что вы здесь делаете? – и Душутин бесцеремонно подсел к ним за стол.

– Мы? – глупо переспросил Андрей. – Мы обедаем.

– Обедаете? А Наташка твоя где? Кстати, слышал, у тебя сын родился! Прими мои поздравления! Сколько ему уже?

– Три года, – промямлил опер, стараясь не встречаться взглядом с Викторией.

– Так и где твое семейство? – не отставал Виктор.

– Наталья приболела и они с Кирюшей дома остались, –

пришла на выручку Вика.

– Что-то серьезное?

– Давление шалит, – ответил Андрей первое, что пришло в голову.

– А мы нечаянно встретились здесь и решили поболтать, – продолжала сочинять девушка. – Теперь тебе есть с кем разговоры вести, – обратилась она к Андрею. – Так что, я пошла. Было приятно повидаться!

– Я зайду вечером, – выпалил вдруг Виктор.

– Зачем? – вырвалось у Андрея.

– Андрюха, а тебе, не все ли равно? У тебя семья. А я холостой и Виктория, насколько знаю, тоже. Так почему бы мне не зайти по старой дружбе? С дядей Мишей пообщаться и по бабе Вале соскучился. По пирожкам ее.

– Приходи, – кивнула Вика. – Сегодня как раз пирожки будут, – и, развернувшись, направилась к выходу.

«Он все знает про меня с Андреем – уверенно подумала она. – Знает, но откуда? Следил, что ли за мной?»

Быстро шагая домой, Виктория боялась признаться самой себе, что ее очень порадовала встреча с Виктором. Порадовала до замирания сердца. К чему бы это?

Весь вечер Вика вздрагивала от стука несносной калитки. А та, как назло, разошлась не на шутку. То бабуле приспичит выйти на улицу, то младшая сестренка носится как заполошенная туда-сюда.

Сердце сладко сжималось, а глаза блестели... То ли от слез, то ли от чего другого.

– Да, что же это такое со мной творится? – испытывая чувство вины, который раз спрашивала она у фотографии Олега.

– Выкуся! – раздался бабулин голос. – А кто к нам пришел?! Иди-ка, посмотри!

– И так знаю кто, – пробормотала она и, бросив оценивающий взгляд в зеркало, вышла из спальни.

– Дядя Витя! – дрыгая загорелыми ногами, визжала Юлька, повиснув на шее у смущенного гостя.

– Да какой я дядя теперь? – радостно бубнил тот. – Просто, Виктор. Вон как вымахала, пизалица! Невеста почти.

– Нет, – мотнула головой Юлька. – Мне тринадцать лет. Рано еще, учиться надо.

– Ух ты, какая серьезная, – взлохматил Виктор блондинистую шевелюру девчонки.

А сам все косился на дверь, надеясь увидеть Вику.

– Да идет она, идет, – перехватив его взгляд, сочувственно произнесла баба Валя. – Проходи, чего встал? Пирожков напекла, как знала.

Тут в коридор белым лебедем вплыла Виктория. Молодые люди, глупо улыбаясь, молча стояли напротив друг друга.

Искры и флюиды, так и сновали между ними. Не выдержав напряжения, прямо над головой всей честной компании, звонко лопнула лампочка.

– Даже лампочка Ильича не выдержала, – многозначительно заметила Юлька. – Вы может, в зал пройдете, а то перегорите сейчас. Или короткое замыкание нам тут образуете.

– У тебя пятерка по физике? – улыбнулся Виктор, не сводя глаз со старшей сестры.

После этого странного вечера с пирожками, они стали встречаться. Все окружающие восприняли это, как само собой разумеющееся. Молодые люди с ума сходили друг по другу. Вика была очень удивлена своей реакцией на Виктора. Ведь она его так ненавидела. Вот уж точно, что от любви до ненависти один шаг и наоборот.

– Давно тебя люблю, – признался ей Виктор. – Как первый раз увидел, так и заболел тобой. Так Олегу завидовал, не представляешь.

– Представляю, – шептала Вика, лаская непослушные вихры парня.

Почти неделю они не выходили из квартиры Виктора и не вылезали из постели. Все, что происходило за стенами дома, их не касалось. Хотелось без конца обниматься, целоваться и чувствовать друг друга. Но майские праздники, растянувшиеся на несколько дней, закончились, и их ждала работа. Но вечера и ночи принадлежали им и только им.

Андрей Чурзин все пытался поговорить с Викторией

по телефону, но та упорно игнорировала его звонки. Настырный опер на этом не успокоился и однажды заявился к ней на работу. Пьяный и расхристанный, что совершенно на него не походило.

– Вика, – шатаясь, пытался он что-то втолковать. – Я разводиться хотел и поэтому ничего тебе не говорил.

– Андрей, иди домой, – стараясь не разозлить парня, Виктория мягко выталкивала его из кабинета.

– Прогоняешь, что ли? – угрюмо спросил тот. – Недолго горевала, уже с этим Витьком встречаешься. Спала уже с ним?

– Это совсем не твое дело! У тебя своя жизнь, а у меня своя. И с разводом не торопись... У тебя такой сын растет...

– Откуда ты узнала? Рассказал кто-то?

– Никто мне не рассказывал. Нечаянно узнала, правда. Иди домой.

– Не нужен стал? Сразу с другим в койку бухнулась? А что ты знаешь про этого Витьку?

– Мне охрану позвать?

– Не надо охраны, – раздался голос Виктора. – Андрюха, дуи домой, чего здесь исполняешь?

– Витя? – удивилась Виктория. – Ты откуда здесь?

– Мимо ехал. Давай выйдем, – предложил он Андрею. – Вике здесь работать, а ты в таком виде и несешь непонятно что. Как тебя вообще пропустили?

– Забыл, кем работаю? – покачиваясь, хвастливо произнес Чурзин.

– Не забыл, – и, взяв опера под локоть, Виктор повел его к выходу. – Надеюсь, что ты не за рулем. Я тебя домой отвезу.

– Вика! Наплачешься еще с этим козлом, – бросил на прощанье Андрей. – Совсем его не знаешь!

– Уже говорил, – отозвалась та, провожая взглядом мужчин.

Этим вечером Виктория, отменив свидание с любимым, осталась ночевать дома.

– Ура! – обрадовалась Юлька. – Поболтаем перед сном! Да, Викусик?

– Поболтаем, малыши, – обняв сестренку, Вика уткнулась в ее волосы, с наслаждением втягивая родной запах.

– Чего ты меня нюхаешь? – рассмеялась сестренка.

– Вкусно пахнешь.

– Чем?

– Родненькой, – улыбнулась Вика.

– Своих уже пора нянчить, – добродушно прокряхтела бабуля. – Дождусь, али нет правнуков?

– Дождешься, – грустно отшутилась та.

– Ой, – испугавшись, что ляпнула не то, бабуля нежно прижала к себе старшую внучку. – Не слушай меня, старую дуру. Что от Витьки убежала? Надоел?

– Нет, не надоел. Одной захотелось побыть.

– Одной это полезно, если недолго, – согласилась баба Валя. – Давай покормлю тебя, а то похудела, одни глаза остались.

– А меня покормить? – возмутилась Юлька.

– Ох, ты и так от стола не отходишь! – махнула рукой бабуля. – И куда только влезает?

– У меня молодой и растущий организм!

Ночью Виктория проснулась от нежных объятий.

– Пришел? – не открывая глаз, прошептала она. – Не припомню, чтобы звала тебя.

– Звала, – раздалось в ответ. – Я не только из-за секса прихожу. Тебе сейчас поддержка требуется. Запуталась ты... Испытываешь чувство вины перед Олегом за то, что полюбила его друга. Ведь так?

– Так, – прикинула Виктория к ночному гостю. – Мне это кажется противоестественным. Я же так ненавидела Витьку, а теперь люблю. Разве такое может быть?

– Если есть, значит, может, – прошепестел голос. – Ведь не удивляешься же, что по ночам к тебе приходит непонятно кто?

– Уже привыкла, – отозвалась девушка, глядя гостя по плечам и спине – Слушай, а у тебя кожа как у человека стала. Чешуя и бугристость исчезли... или мне кажется?

– Не кажется. Я с тобой очеловечиваюсь, если можно

так выразиться.

– А лицо? Какое у тебя лицо?

– Тебе пока не надо его видеть. Можешь напугаться.

– Чем же? – приподнявшись на локте, Вика пыталась разглядеть гостя.

– Увидишь всех своих мужчин разом! Разве не напугает?

– Это как? Каких мужчин? О чем ты?

– А тех мужчин, с которыми у тебя были отношения, – рассмеялся гость.

– Всех троих? И Олега?

– И Олега.

– Ты рассмеялся сейчас как он, – часто заморгав глазами, чтобы не заплакать призналась она.

– Знаю, – гость нежно обнял ее. – Поплачь, если хочется. А насчет Виктора не беспокойся. Если любишь, то люби... И не испытывай чувство вины перед Олегом, не надо.

– Скажи хоть, как зовут тебя?

– Зови меня Авиджа, – тихо произнес гость.

В этом имени было все. И завывание ветра в пустыне, и рокот морских волн разбивающихся о скалы. Гул земли и жар пылающего огня.

– Ав-ид-жа, – по слогам повторила Виктория и унеслась в сон, убаюканная ласковыми объятиями древней сущности.

На следующий день Виктор был сам не свой, и все тревожно заглядывал в янтарные глаза любимой.

– Почему вчера не захотела встретиться? Я надоел тебе?

– Вить, ты что? – удивилась та. – Подумаешь, один день не увиделись! Отдохнули друг от друга.

– Это ты отдохнула, а я соскучился.

– Я тоже соскучилась... Но не ходить же теперь, словно пришитые.

– Ладно, – нахмурившись, Виктор отвел взгляд. – Выходи за меня! – выпалил он вдруг.

– Как это? – Виктория даже икнула от неожиданности.

– Обыкновенно! Прошу тебя стать моей женой!

– Ой, как-то все... Я не знаю...

– Не тороплю, – спокойно ответил Виктор, хотя внутри все рвалось на части от мысли, что любимая может ответить отказом. – Как созреешь, скажешь.

Целый год парень терпеливо ждал ответа от Виктории. Не торопил, не намекал, не злился, а просто ждал.

И на новый год получил в подарок небольшую шкатулку, внутри которой лежала открытка с умильной мордашкой кота, а на обороте было написано всего два слова. Два слова, от которых сердце ухнуло вниз: «Я согласна!»

– Это самый лучший подарок! – как ненормальный закричал Виктор, напугав бабу Валю.

– Оглашенный! Чего разорался-то? – осев на стул, охнула она.

– Баба Валечка! Свадьба! Скоро свадьба!

– У кого? – захлопала глазами Валентина Ивановна.

– Да у нас же!

– Да-а-а? – кокетливо протянула баба Валя.

– Ой, – смутился Виктор, но увидев, что все вокруг смеются, улыбнулся.

– Ну, наконец-то, дождались! – обрадованно произнес отец, крепко обнимая будущего зятя.

– Ура! Ура! – прыгала и хлопала в ладоши Юлька. – Ты теперь мне типа брат?

– Ну, да, – согласился новоиспеченный жених, сияя при этом как медный грош и не сводя влюбленного взгляда с невесты.

Свадьбу справили весной. Виктория переехала к мужу и в родном доме гостевала только днем. Первые пять лет пролетели как один день, словно один нескончаемый праздник. Но праздник закончился, и Виктория стала ловить себя на мысли, что тоскует по тем далеким ночам, когда к ней приходил Авиджа. Ее так и тянуло остаться переночевать в родном доме. И Вика точно знала, что ночной любовник придет, обязательно придет... Потому что страсть с Виктором угасла, и она очень страдала от этого. Страдала и не могла понять, кто к кому остыл? То ли она первая, а потом муж. То ли наоборот. То ли оба разом. Пять лет...

Многие пары расстаются именно на этом сроке, а тут

еще выкидъши, который окончательно развел супругов в разные стороны. Остальные пять лет они просто существовали под одной крышей, надеясь, что когда-нибудь все наладиться. Вот и наладилось...

«Пять лет страсти, это очень много, – думала Виктория, слушая жалобы сотрудниц на проблемы с мужским полом. – Мне еще очень и очень повезло».

А потом не стало папы... Так неожиданно. Вечером ему вдруг стало плохо. Вызвали скорую помощь, и отца отвезли в больницу, а на следующий день все вместе собирались навестить его. Собирались навестить...

Но в два часа дня Виктории позвонили и сообщили, что Михаил Васильевич Вихлянцеv скончался. Скончался полчаса назад. То есть в тринадцать тридцать. Тринадцатого марта в тринадцать тридцать.

Выронив из похолодевших пальцев телефон, Виктория вспомнила, что сегодня ей приснились электронные часы, которые светясь зеленым светом, показывали странные цифры. Тринадцать, ноль, три, тринадцать, тридцать. Вот вам и пожалуйста. Тринадцатого марта в тринадцать тридцать.

– А-а-а-а! – закричала Вика, присев на корточки и сжавшись в комок. – Нет, не может быть!

Но кричи, не кричи, это случилось, и теперь нужно было оповестить бабулю и сестренку. Виктория позвонила мужу

и Юлькиному парню Женьке и без зазрения совести взвалила на них эту задачу.

«Я не смогу, – оправдывала она себя весь день, чувствуя вину. – Правда, не смогу».

На следующий день было опознание в морге. Виктор пошел вместе с женой, чему Вика очень удивилась.

Папа лежал на полу раздетый, укрытый одной лишь простынкой.

– Он? – коротко спросил работник морга, откидывая простыню.

– Он, – кивнула Вика, зацепившись взглядом за шов лилового цвета и грубые нитки, торчащие из него.

– Это папа, – прошептала она и почувствовала, что падает.

Виктор заботливо вывел ее на улицу и усадил в машину.

– Отвези меня к бабуле, – попросила тогда Вика.

– Надолго?

– Вечером созвонимся, – уклончиво ответила та.

Стриганув по жене светлыми глазами, муж промолчал.

– Вот и все, – прошептала Вика младшей сестренке. – Теперь ты все знаешь.

– Мне остаться с тобой? – поцеловав сестру, Юлька старалась скрыть навернувшиеся слезы.

– Да, Юленька, да, – закрыв глаза, Вика моментально уснула.

Три дня женщины не отходили друг от друга. Вместе готовили, вместе подолгу чаевничали и разговаривали. Хотя и не были сторонниками традиций, что после смерти близкого человека нельзя слушать музыку и смотреть телевизор, все это получилось само собой. Часто приезжал Юлькин Женька и скрашивал женскую компанию. А Виктор даже не звонил.

Муж заявился, где-то, через неделю.

– Приветствую милых дам, – как ни в чем не бывало, промолвил он, целуя бабулю в щеку.

– Где пропадал? – прошептала та, отвесив увесистый подзатыльник любимому зятю.

– У меня была важная командировка.

И чмокнув по очереди жену и Юльку, уселся на диван.

– Покормят меня в этом доме? – спросил он шутливо, стараясь не встречаться с Викторией глазами.

– Сейчас покормим, – недовольно цокнув, Юлька ушла на кухню.

– Ну, как ты? – по-прежнему не смотря на жену, спросил Виктор.

– Нормально, – сдержанно ответила та. – Ты как? Что за командировка?

– Да клиент достался, – сокрушенно покачал головой муж. – Все жилы из нас вытянул.

– Но, а дело-то движется?

– Движется, движется, – кивнул Виктор, имевший свою адвокатскую контору.

– Почему не звонил? – помявшись, решила спросить Вика.

– Решил не мешать тебе... жалеть себя.

– Это как? – руки и ноги разом похолодели, как предвестники того, что услышит сейчас нечто плохое.

– Вика, – неуверенно произнес муж. – Мне с тобой надо поговорить.

– Говори.

– Не здесь, дома. Когда домой соизволишь прийти?

– Давай завтра приду, или послезавтра... – как же не хотелось услышать то, что хотел сказать ей муж. Как же не хотелось.

– Понятно! – Виктор резко встал. – Или после, послезавтра? Да? – и вышел из дома, демонстративно хлопнув дверью.

Тут на пороге комнаты появилась Юлька с подносом уставленным тарелками.

– И куда делся этот жаждущий и голодный?

– Ушел.

– Ушел, значит, – прошипела сестренка. – Козел!

– Юля! – Вика подняла на девушку заблестевшие глаза.

– Вот я и говорю, что козел, – Юлька бросилась обнимать старшую сестру. – Как будто нам без него слез мало. Пришел,

что-то наплел и слинял! Разве так можно?

– Охо-хо, – переваливаясь как утка, в дом зашла бабуля. – Чего это зятек как заполошный пронесся мимо меня и даже не попрощавшись, сел в машину укатил? Случилось что?

– У нашего зятка переходный возраст, – пояснила Юля, продолжая обнимать сестру.

– Так закончился уже переходный, сколько можно?

– Это уже другой. Вступление в маразм называется! – съязвила младшая внучка.

– Ох, беда с этими мужиками, – вздохнула баба Валя. – И без них плохо, а с ними еще хуже.

– Вика, – прошептала Юлька, дождавшись, когда бабуля выйдет. – Я в инете пробила имя; «Авиджа». И знаешь что это?

– Что? – тоже шепотом отозвалась Вика.

– Это оккультное имя, означающее, что его обладатель душевный лекарь и психолог.

– И что? – непонимающе захлопала глазами старшая сестра. – Что это значит?

– Не знаю. Дальше Гугл начал какой-то бред нести, – нахмурилась Юлька. – Какая-то мистика, духи или сущности и все такое. Я в этом не сильна.

– Так он мне мерещится или нет?

– Мне поспать с тобой и подождать его прихода? – хитро улыбнулась сестра.

– Не надо. Ты со мной уже несколько дней спишь, и он

не приходит.

– Давай сегодня отдельно заночуем? – предложила Юлька. – Или я под кровать спрячусь?

– Хватит дурачиться, – отмахнулась Вика. – Меня больше волнует, о чем со мной Виктор собирается поговорить.

– А сама, как думаешь?

– Думаю, что хочет развестись.

– Вика, да ты чего? Он же тебя так любит!

– Любил, – поправила сестра. – Он меня любил.

На следующий день, скрепя сердце, Виктория поехала домой, где прожила с Виктором самые счастливые и яркие годы.

«Это конец, – шептала она про себя. – Это конец...»

Даже дверь своими ключами открывать не стала, а робко так позвонила.

– Привет, – Виктор моментально распахнул дверь, будто стоял за ней.

– Привет, – замешкалась она на пороге.

– Вот твои тапочки, – насмешливо произнес муж. – Что, уже забыла?

– Витя, ну зачем так? – боясь разрыдаться, спросила Вика. – Ты же знаешь...

– Да знаю, что ты потеряла отца! И что теперь делать? Ложиться и умирать?

– Что ты несешь? – не веря ушам, Виктория смотрела

на такого близкого и далекого уже человека. – Меня всего неделю не было! Ты сам в командировке был. Какие претензии?

– Никаких, – отвернулся Виктор. – Вика, я хочу развестись.

– Даже в глаза мне не смог посмотреть, – усмехнулась она. – Разводись. Детей у нас нет, так что разведут без проволочек. И делить с тобой ничего не буду. Вещи свои собираю и все.

– Так просто? – удивился муж.

– Истерики ждал? – усмехнулась Вика и пошла собирать вещи.

Истерика была, но уже в доме у бабули. Среди родных и близких. Вика ревела, а Юлька с бабулей лишь переглядывались, не зная, что и сказать.

– Что на него нашло? – в который раз спрашивала баба Валя, и который раз вопрос повисал в воздухе.

– Придурок, – глядя сестру по волосам, шептала Юлька. – Еще приползет на коленях!

Вика заревела еще громче и отчаянней.

– Ужас, – и бабуля открыла заветный шкафчик с лекарством, каплями, травами. – У меня сейчас сердце не выдержит.

Накапав каждой по тридцать капель валерьянки, пустырника, корвалола и пиона, она всунула внукам по стакану

и заставила выпить. К часу ночи Вика немного успокоившись, стала клевать носом.

Бережно уложив ее на кровать и укрыв одеялом, бабуля с Юлькой вышли из спальни.

Вышли и горько вздохнув, разошлись по своим комнатам.

– Когда там Людка приезжает? – спросила за завтраком бабуля младшую внучку про Викину подругу.

– Бабуль, тетя Люда же в Турцию за товаром поехала, – взглянув на календарь, ответила та. – Недели через три заявится!

– Заявится она, – недовольно пробурчала баба Валя. – Когда уезжала, то у Вики и отец был и муж, а сейчас никого.

– Бабуль! Ну, ты чего? – возмутилась Юлька. – Откуда же тетя Люда знала? Это, во-первых! А во-вторых, Виктор никуда не делся. Жив и здоров.

– Да! Жив и здоров! И просто подает на развод! – грохнула бабуля сковородкой.

– Потому что шарики за ролики у него зашли, – спокойноотреагировала Юля. – Сам потом жалеть будет. А ты, что расшумелась-то?

– Да ничего, – чуть успокоилась Валентина Ивановна. – Скоро каникулы летние. У Вики отпуск.

– И прекрасно! Вот мы с ней и умощаем куда-нибудь на пару недель.

– Умотайте, умотайте. Я вам и денегат подкину.

– Спасибо, бабуль! Все, я поскакала, буду вечером! – и, подхватив сумку-рюкзак, внучка была такова.

Виктория старалась не показывать, как ей сейчас тяжело. Она-то думала, что муж в трудный час станет ей надеждой и опорой, а он...

«Может поговорить с ним? Какой-то он сам не свой был тогда», – частенько думала она.

Думать-то думала, а делать ничего не делала.

«Что ему скажу? – набирая номер мужа, Вика тут же его сбрасывала. – Наверняка уже другая есть...»

– Сорокалетняя разведенка, – стоя перед зеркалом, прошептала она.

Вика давно уже считала себя сорокалетней, несмотря на то, что до этой даты было целых три года.

– Все правильно, – добивала себя словами, вглядываясь в отражение. – Кому ты нужна? Старая, бездетная «училка» русского и литературы.

И с этими мыслями ложилась в постель, погружая себя на самое дно черной тоски и депрессии.

«Чтобы вынырнуть, надо опуститься на самое дно», – навязчиво вертелась в голове невесть откуда взявшаяся фраза.

Приходя домой после работы, Вика запиралась в комнате, не желая ни с кем общаться.

Каждый вечер заканчивался слезами и словами:

– Не хочу больше жить.

Утро начиналось так же.

Она просто таяла на глазах.

В один из обычных вечеров, лежа в постели, Вика снова произнесла страшную фразу:

– Не хочу жить, – и незаметно уснула.

Вдруг посреди ночи почувствовала, как на кровать запрыгнул кот и не спеша направился к изголовью.

– Кузя? – машинально произнесла она имя своего любимого питомца, умершего пять лет назад.

– Кузя, – прошептала счастливо, когда кот устроился на подушке и стал нежно перебирать лапками ее волосы.

– Ты пришел ко мне, ты почувствовал, что мне плохо, – бормотала она, совершенно не испугавшись того, что к ней наведальось кошачье привидение.

– Мур-р-р-р, – от души замурлыкал призрак.

– Офигеть, – улыбнулась Вика и уснула.

Уснула с улыбкой на губах... впервые за этот тяжелый месяц.

Призрак Кузи больше не приходил, но Вика сталаживать. Потихоньку, полегоньку... На все нужно время.

– А ко мне наш Кузя приходил ночью, – спустя неделю призналась она за вечерним чаепитием.

– Наш Кузяха? – обрадовалась бабуля. – И что этот пострел делал?

– Массаж головы делал и мурлыкал, – и Вика расплылась

в улыбке, вспоминая ту уютную ночь.

Чем дольше слушала Юлька этот странный диалог, тем сильнее менялась в лице.

– Вы это о чем сейчас беседуете? – прокашлявшись, поинтересовалась она в надежде, что все-таки ослышалась.

– О коте нашем, о Кузьме, – хрустя сушками, как ни в чем не бывало, ответила ей баба Валя.

– Это о том, что под кустом боярышника похоронен? – кивнула Юлька в сторону двора.

– А о ком же еще? – с удивлением воззрилась на младшую внучку бабуля.

– Он закопан! – возмутилась Юлька. – Закопан пять лет назад! Вы что, решили надо мной пошутить?

– Юль... – неуверенно начала Вика. – А он к тебе ни разу не приходил? И как он шумит иногда, не слышишь?

Та только молчала, жалобно переводя взгляд с бабули на сестру.

– На диван запрыгивает или на подоконник, – продолжала Вика.

– Под ногами вертится, когда я готовлю, – вклинилась бабуля. – Шельмец такой! И мебель все пробует подрать, а не чем! – весело заключила она.

– Вы это серьезно? – сникла Юлька. – Я ничего такого не слышу.

– А ты в наушниках своих чаще ходи, – бабуля ловко выдернула маленький наушник из уха.

– Бабуль! Я же музыку слушаю!

– И музыку, и нас?

– Одним ухом вас, другим музыку.

– Так ты, конечно, ничего не услышишь, – вздохнула баба

Валя.

– Думаю, здесь дело совсем в другом, – пояснила Вика. – Юлька у нас совсем иного склада. В привидения и потустороннее не верит.

– Конечно! – фыркнула младшая сестра. – Что я, чокнутая?

– А мы, выходит, чокнутые?

– А вы у меня, малость с приветом! – рассмеявшись, Юлька побежала открывать дверь, в которую настойчиво стучали.

– Опять ворота на запор не закрыли? Отец бы вам задал сейчас, – пробурчала баба Валя, наливая себе третью чашку чая. – И кого там принесло на ночь глядя?

– Ура! – послышался радостный визг Юльки. – Тетя Люда приехала!

– Привет, привет, моя конфетка, – раздался из коридора звонкий голос. – А Викуля у вас? В квартиру заезжала, мне никто не открыл. Сотовый отключен. Здесь она?

– Да здесь, здесь! Проходи быстрее! – торопила Юлька гостью.

– Викуньчик! – набросилась на подругу высокая поджарая брюнетка.

Модная короткая стрижка на темных волосах, вызывающе красный маникюр и в тон ему помада. Карие миндалевидные глаза, изящный нос с легкой горбинкой. Людмила была стильной женщиной, что и говорить. Мужчин к ней влекло, но в тоже время они ее и побаивались. Три брака за плечами и соответственно три развода. С детьми тоже не повезло. Рожать от дураков Люда не хотела, а все ее мужья примерно через месяц после свадьбы становились дебилами. Первый принялся просаживать деньги в казино. И свои и Людкины. Второй перестал работать, решив, что жена за двоих пахать будет. Вот только жена с этим не согласилась. Третий вообще оказался занудой. Все гундел про спорт и здоровое питание. Что питаться нужно пророщенным зерном и пить свою урину. Короче, мужику Малахов прямо из телевизора мозги набекрень свернул, если таковые конечно имелись. Как Люда раньше их не раскусила? Страсть. Вот и весь ответ. Страсть и временное помутнение рассудка. Но все когда-то кончается и временное помутнение тоже, к несчастью для этих трех бедолаг. Людмила разводилась быстро без слез и истек. Истерики были по ту сторону баррикад, но это уже неинтересно.

– Людка, – попискивала Вика где-то в районе подмышек подруги. – Наконец-то приехала!
– Ага! – гренадерша воинственно огляделась в поисках

новой жертвы. – Баба Валечка! – и с шумом бросилась к бабуле.

– Ой, чур меня, чур! – перекрестившись Валентина Ивановна отгородилась столом. – Уйди, чумная! Ты меня удушишь!

– А что это вы без мужчин? Где дядя Миша? Где Витек? – и Людмила осеклась, увидев моментально сникшие лица женщин.

– Что у вас тут случилось? – испуганно произнесла она.

– Боже мой! – схватившись за голову, все твердила и твердила гостя, услышав последние новости. Услышать-то услышала, да только переварить не могла.

– Не верю, не верю, – и, подняв глаза, заметила, что женщины еле сдерживаются, чтобы не заплакать.

– Что же это я по живому-то! – словно опомнившись, воскликнула Люда. – Простите, мои хорошие, простите! – галопом поскакав в коридор, принесла оттуда огромную сумку и, крикнув, водрузила ее на стол.

– Тяжелая зараза, – выдохнула гостя и принялась копаться в необъятных недрах баула.

Хозяйки дома молча наблюдали за тем, как та все глубже и глубже закапывается в сумке.

– Ты сейчас сама там окажешься, – заметила Виктория.

– Не бойсь, не окажусь! – раздался глухой голос из сумки. – Сейчас будем раздавать подарки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.